

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ POLITICS OF MEMORY AND HISTORICAL MEMORY

DOI 10.15826/izv2.2022.24.2.033
УДК 82.091 + 94(477.75) + 008:130.2 +
+ 902.01 + 930.85 + 82-992

Н. И. Храпунов
*Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
Симферополь, Россия*

СОТВОРЕНИЕ МИФА: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КРЫМА В КОНЦЕ XVIII – XIX в.

В статье анализируются мифы, возникшие после присоединения к России в 1783 г. вокруг некоторых археологических и архитектурных объектов Крыма. Материалом для анализа стали легенды о всемирном потопе, сложившиеся вокруг средневековых «пещерных городов», остатках храма таврической Дианы, отпечатке ступней св. Андрея, мавзолее на средневековом городище Чуфут-Кале и Марии Потоцкой — пленнице ханского гарема. Продемонстрировано разнонаправленное интеллектуальное взаимодействие специфических общественных групп: местного старожильческого населения, переселенцев и путешественников, представлявших разные страны и культуры. Показано, что важнейшую роль в процессе мифологизации памятников сыграли записки российских и иностранных путешественников, осмысливших отдельные объекты как туристические достопримечательности и обративших на них внимание читателей. К моменту появления записок подлинная история памятников забылась. Образованным путешественникам были известны сюжеты из античной истории, якобы разворачивавшиеся на полуострове, что заставляло их «находить» соответствующие следы в крымских пейзажах и памятниках. Путешественники усвоили и крымско-татарские предания, трансформировав их на новый лад. В свою очередь, местные жители воспринимали выдумки заезжих интеллектуалов как часть собственной истории. Как самостоятельный феномен рассмотрены попытки переселенцев в Крым христиан обрести духовную опору в памятниках, которые они интерпретировали как свои древние святыни, известные из книг. Неверные интерпретации памятников утвердились в общественной мысли благодаря своей романтической и увлекательной подаче. Это способствовало превращению соответствующих

объектов культурного наследия в туристические достопримечательности и тем самым внесло свой вклад в развитие Крыма как центра туризма.

К л ю ч е в ы е с л о в а: имагология; Крым; культурное наследие; археологические памятники; переосмысление; мифологизация; изобретение традиции; травелогика

Благодарности

Статья написана в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

Ц и т и р о в а н и е: *Храпунов Н. И.* Сотворение мифа: переосмысление памятников культурного наследия Крыма в конце XVIII – XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 2. С. 178–194. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.2.033>

Поступила в редакцию: 24.01.2022

Принята к печати: 28.04.2022

Nikita I. Khrapunov

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russia*

CREATION OF A MYTH: RETHINKING THE CULTURAL HERITAGE SITES OF THE CRIMEA IN THE LATE 18th AND 19th CENTURIES

This paper analyses the myths which appeared around some local archaeological and architectonic sites after the Crimea's incorporation into Russia in 1783. The author refers to legends of the flood developing around the mediaeval “cave towns”, the remnants of the temple of Tauric Diana, the imprints of St Andrew's feet, the *turbe* at the mediaeval town of Chufut-Kale, and Maria Potocka as a captive of the Crimean khan's *harem*. The author demonstrates the multidirectional intellectual interactions of various social groups such as local populations, migrants, and learned travellers representing different cultures and countries. It has been shown that the greatest role for the mythologisation of the sites was played by Russian and foreign travelogues which interpreted particular monuments as tourist attractions and drew their readers' attention to them. By that moment, the real history of the sites had already been forgotten. Moreover, educated travellers knew some plots of classical history which allegedly happened in the peninsula, and therefore tried to “find” their traces amidst Crimean landscapes. The travellers also perceived Crimean Tatar legends and transformed them in a new manner. The locals, in their own turn, understood the tales produced by foreign intellectuals as parts of their own local history. A particular phenomenon comprises the attempts of the Christian migrants to the Crimea to find “support” among the monuments which they interpreted as very old Christian shrines related to the events known from the books. As a result, there appeared incorrect interpretations of the sites, which, because of their romantic and fascinating

nature, became imprinted in public mind. This process contributed to the turning of some cultural heritage sites into tourist attractions and therefore made an impact on the establishment of the Crimea as a tourist centre.

К e y w o r d s: imagology; Crimea; cultural heritage; archaeological sites; rethinking; mythmaking; invention of tradition; travelogues

Acknowledgements

This article has been written within the framework of project FZEG-2020-0029 “The Influence of the Byzantine Empire on the Historical Processes in the Medieval Crimea” of the state assignment from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

F o r c i t a t i o n: Khrapunov, N. I. (2022). Sotvorenie mifa: pereosmyslenie pamiatnikov kul’turnogo naslediiia Kryma v kontse XVIII – XIX v. [Creation of a Myth: Rethinking the Cultural Heritage Sites of the Crimea in the Late 18th and 19th Centuries]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 24(2), 178–194. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.2.033>

Submitted: 24.01.2022

Accepted: 28.04.2022

В течение многих веков Крым оставался местом почти неизвестным как в России, так и на Западе. Лишь после присоединения к империи Романовых в 1783 г. полуостров стал объектом интенсивного изучения, которым занимались и профессиональные ученые, и путешественники-любители. Российские власти были заинтересованы в получении сведений о новой провинции, для чего инициировали ряд научных экспедиций и поощряли путешественников-любителей [Ена, Ена, Ена, с. 69–113; Храпунов, 2021a]. Крым превратился в этап *grand tour* — зарубежной поездки, являвшейся важным элементом образования и развития личности в соответствии с педагогической теорией Нового времени. Из-за Французской революции и Наполеоновских войн (1789–1815) традиционное образовательное путешествие по Франции, Швейцарии и Италии стало фактически невозможным. Маршрут *grand tour* сместился в Германию, Скандинавию, Россию и Крым [Cross, p. 5, 6]. В поездке следовало вести дневник, а после возвращения правила хорошего тона требовали его издать. Путевые заметки (travelоги) стали важнейшим источником сведений о дальних странах для российских и западных читателей.

Одним из отличительных свойств Крыма является уникальная концентрация памятников материального и нематериального культурного наследия, отражающего самые разные эпохи и культуры. Путешественники осмыслили отдельные памятники как туристические достопримечательности, сформулировав ряд долгоживущих стереотипов и ошибочных суждений, ставших частью «крымского мифа» — поэтизированного образа полуострова, существующего в литературе и общественном сознании и, согласно теореме Томаса, оказывающего реальное воздействие на поступки людей [см.: Merton, p. 380].

Травелогги рассказывали об экзотических странах, а потому в большинстве случаев читатель не мог проверить, где правда, а где ложь. Редкому автору удавалось избежать неточностей или тенденциозных суждений — наоборот, незнакомый мир провоцировал непонимание и ошибки, которые парадоксальным образом делали травелогги еще более привлекательным чтением. Помещенные в контекст научных знаний и популярных легенд той эпохи, заблуждения и вымыслы могут куда больше рассказать о путешественниках и их интеллектуальных достижениях, чем «удачные догадки» [см.: Эко].

В статье будут проанализированы несколько устойчивых, но неверных интерпретаций, которые, с одной стороны, способствовали популяризации отдельных памятников и историко-культурного наследия Крыма в целом, а с другой — характеризовали особенности мышления людей конца XVIII — XIX в. Задачи данной статьи далеки от банального краеведения. Крым представляет собой идеальный объект для имагологического анализа. Полуостров находится «на границе миров» — Запада и Востока, «цивилизации» и «варварства», ведь, согласно античной традиции, граница между Европой и Азией проходила по Боспору Киммерийскому, нынешнему Керченскому проливу, ограничивающему полуостров с востока. Демонстрируя наблюдателю богатую смесь культурного наследия разных эпох, народов и религий, живописную природу и экзотических жителей, Крым позволял генерировать самые разные смыслы, стереотипы и интерпретации. Богатое культурное наследие ислама превращало Тавриду в своего рода осколок Востока в Европе [Храпунов, 2017, с библиографией]. Случай Крыма важен для понимания того, как европейцы (в широком смысле, включая интеллектуальную элиту Российской империи) воображали и интерпретировали «чужие» для них страны, народы и культуры, и как продукты этого воображения стали оказывать влияние на практические действия и теоретические представления самых разных людей вплоть до наших дней.

Методика дискурсивного анализа, изучающая то, как путешественники и кабинетные авторы осмысливали экзотические страны, их жителей и памятники прошлого, в последние десятилетия активно разрабатывается и применяется широким кругом исследователей [The Cambridge Companion...; The Routledge Companion...; The Routledge Research Companion...]. В частности, показано, что некоторые возникшие в Новое время историко-культурные феномены (например, традиционный шотландский костюм с мужской юбкой из тартана и вольнка) со временем были осмыслены как «традиции», которые общественное мнение связывает с глубокой древностью [The Invention of Tradition]. В Крымском контексте отдельные примеры мифологизации существующих или даже «изобретения» новых памятников прошлого анализировались А. Л. Бертье-Делагардом, А. А. Формозовым, А. Г. Герценым и Ю. М. Могаричевым, А. И. Бронштейном, А. В. Кошелевым, И. В. Тункиной, А. П. Люсым и другими исследователями. В большинстве случаев это делалось в рамках изучения конкретных памятников прошлого. Цель же данной статьи — реконструировать генезис и эволюцию заведомо неверных представлений, способствовавших поэтизации и романтизации

реальных или виртуальных объектов культурного наследия, которые оказались достаточно устойчивыми и существовали в общественном сознании на протяжении по меньшей мере нескольких десятилетий. Проблема мифологизации культурного наследия Крыма ни в коем случае не исчерпывается приведенными ниже примерами — количество последних нетрудно по меньшей мере удвоить. В рамках небольшой статьи можно лишь обозначить возможные направления для исследовательской работы.

«Следы всемирного потопа»

Впервые крымско-татарскую легенду о том, что некогда море покрывало большую часть Крыма и лишь горные вершины выступали над поверхностью воды, зафиксировал знаменитый османский путешественник Эвлия Челеби в описании своей первой поездки на полуостров в 1641 г. Согласно его запискам, Черное «море, по мнению самых лучших математиков, это всего лишь остаток Ноева потопа. <...> В то время равнины Сланкамена, Добруджи, Кечкемета, Кенкуса и Бустеха и долины Сирма и Семендера были целиком покрыты водами Черного моря <...>. Паравади в пашалыке Силистры, мощная крепость, что находится ныне на высочайших скалах, тогда была на морском берегу; и здесь до сих пор можно увидеть кольца, с помощью которых корабли швартовались к скалам. То же самое явление обнаружено на Мангупе, в дне пути от Бахчисарая, на острове Крым. Это замок, построенный на высокой скале, где еще сохранились каменные столбы, к которым в древности привязывали корабли» [Evlîyâ Efendî, p. 6]. Мангуп — средневековая крепость в юго-западном Крыму, возникшая в византийское время на плоской вершине отдельно стоящей горы, где жители искали убежища от набегов степняков [Герцен].

Более чем через сто лет барон Франсуа де Тотт, служивший французским консулом в Крыму в 1767–1769 гг., услышал похожее предание в другом месте, когда в обществе некоего крымского татарина осматривал горные долины в окрестностях ханской столицы — Бахчисарая. В мемуарах француз писал, как «заметил железное кольцо, находившееся на вершине неприступной скалы, нависавшей над этим ущельем и запиравшей его своим изгибом. Я спросил у своего татарина о назначении этого кольца. “Думаю, что оно служило, — спокойно ответил он мне, — для крепления судов, поскольку море, омывая эти скалы, образовало порт в этом ущелье.” Я был поражен...» [Mémoires..., p. 99]. Француз Жильбер Ромм, гувернер и секретный агент, в 1786 г. слышал от одного «ученого татарина» о местном поверье, согласно которому «некогда море покрывало весь полуостров, за исключением гор», пока его воды не прорвались через Фракийский Босфор в Средиземноморье [Romme, p. 132]. В конце описания путешествия по Украине и Крыму Ромм привел хронологический список всемирных потопов, сведения о которых он собирал в пути, заметив, что полуостров мог периодически погружаться под воду и затем вновь показываться на поверхности [Ibid., p. 144].

Рассказ о потопе стал общим местом в записках путешественников по Крыму российской эпохи [Campenhausen, S. 109; Craven, p. 181, 182; Guthrie, p. 92]. Не всегда ясно, слушали ли они проводников или передавали то, что знали из записок предшественников. Обычно эту легенду связывали с «пещерными городами» — средневековыми поселениями на вершинах или склонах гор. Предполагалось, что во времена потопа жители передвигались между ними на лодках. Материальным «отражением» легенды служили сложенные из осадочных пород скалы, напомиавшие морское дно, и так называемые «каменные кольца» — отверстия в стенах искусственных пещер, якобы служившие для привязывания лодок. По современным представлениям, назначение «колец» было весьма прозаичным — они служили, например, для привязывания животных или крепления деревянных конструкций. Иногда говорили и о железных кольцах, укрепленных в камне, которые, впрочем, исчезли до появления путешественников [Караулов, с. 42–45].

Некоторые эрудированные авторы вспоминали известие античного историка Диодора, писавшего, что некогда Черное море было замкнутым водоемом. В конце концов принесенная реками вода переполнила его, затопила прибрежные земли и пробила дорогу в Средиземное море [Диодор Сицилийский, с. 111]. Эта легенда напоминает ту, что рассказывал Рому его крымский знакомый. Образованные европейцы увязали крымско-татарское предание с античной традицией [Людольф, с. 200, 201; Guthrie, p. 92, 93]. Во второй половине XIX в. легенда о море, некогда покрывавшем большую часть Крыма, распространилась среди крымских караимов [Марков, с. 403]. Нельзя исключить, что они заимствовали ее у своих соседей — татар. И сегодня подобные рассуждения можно услышать от не вполне квалифицированных экскурсоводов или увидеть в изданиях, повествующих о «тайнах» Крыма [например: Фадеева, с. 89–124].

«Храм таврической Дианы»

В 1824 г., вспоминая о своей поездке в Крым за четыре года до того, Пушкин писал: «К чему холодные сомненья? / Я верю: здесь был грозный храм, / Где крови жаждущим богам / Дымились жертвоприношенья...» [Пушкин, 1950, с. 213]. Согласно античной легенде (вероятно, известной поэту из переложений Нового времени), Ифигения, дочь царя Агамемнона, возглавлявшего греков в Троянской войне, стала жрицей богини Артемиды (Дианы). Богослужения она совершала в храме, находившемся в далекой стране тавров царя Фоанта, где в жертву богине приносили пленных чужестранцев [Еврипид, с. 496–563; Формозов, с. 93, 94]. Пушкин утверждал, что стихотворение пришло ему в голову («я думал стихами») во время поездки в Георгиевский монастырь на юго-западе Крыма [Пушкин, 1962, с. 281]. Как и многие другие до и после него, поэт поверил в реальность древнего храма, якобы находившегося на крымских берегах.

Обычно думают, что Пушкин полемизировал с ученым скептиком, автором популярного описания древностей Крыма Иваном Муравьевым-Апостолом

[Кошелев, с. 34–36; Балакин, с. 25, 26]. Ездивший по Крыму в том же году, что и Пушкин, Муравьев подверг критическому анализу древние источники и заключил, «что хотя бы и не совсем отвергать басню об Ифигении, так по крайней мере признать должно в ней такие темноту и противоречие, что стараться извлечь из оной какую-нибудь историческую истину в отношении к нашей Тавриде есть дело совершенно невозможное» [Путешествие по Тавриде..., с. 86–92]. Недавно было высказано предположение, что адресатом пушкинских строк был археолог, директор Одесского музея древностей Иван Бларамберг, с которым поэт познакомился в Одессе [Балакин, с. 27–29]. Однако кому бы ни предназначались слова Пушкина, современные исследования показали, что античный миф в действительности не следует понимать буквально, а потому бессмысленно искать остатки того самого храма на крымских берегах [Иванчик, с. 85–98].

Не зная об этом Екатерина II сделала Ифигению одним из символов Крыма, — возможно, благодаря подсказке Вольгера [Переписка..., с. 8, 9]. Своему приближенному принцу Шарлю де Линю императрица подарила поместье в местах, где, якобы, некогда совершались обряды в таврском храме. Подарок был обставлен как шутка над всем известным женолюбием принца, который позднее писал: «...в угоду склонности моей к Ифигениям, она (Екатерина II. — Н. Х.) даровала мне местность, где та [совершала] жертвоприношение» [Ligne, p. 59]. О том, что жрицы Артемиды-Дианы соблюдали обед безбрачия, писатель то ли не знал, то ли предпочел не вспоминать. В 1787 г. де Линь прибыл в Крым в свите Екатерины II и провел несколько дней в этом поместье, оставив восторженные воспоминания. Есть основания считать, что оно находилось близ Балаклавы [см.: Храпунов, 2017, с. 333, 334], хотя популярная интерпретация, основанная на упомянутом де Линем названии *Parthenizza*, локализует его владения восточнее, в селении Партенит у подножья горы Аюдаг [Краснолуцкий, с. 823, 824].

Как и в случае с поместьем де Линя, о местоположении храма таврической Дианы бытовали разные мнения. Иногда святилище тавров смешивали с храмом женского божества, который, по свидетельству древних авторов, находился в Херсонесе. Например, француз Виктор де Караман в 1784 г. попытался отыскать на городище «остатки храма Дианы» — впрочем, без всякого успеха [Храпунов, 2021б, с. 511, 512; ср.: Храпунов, Гинькут, с. 410; Henderson, p. 343]. Обычно же поиски вели в разных местах на южном берегу Крыма. Где-то здесь немец на русской службе Пирс-Балтазар фон Кампенгаузен обнаружил какие-то развалины, а среди них — кусок мрамора, который принял за часть алтаря, украшенного резными изображениями, «и к нему еще крепится большое бронзовое кольцо, к которому приковывали несчастных, предназначенных в жертву» [Campehausen, S. 112]. Сегодня невозможно установить, что это был за артефакт и какова его последующая судьба.

Самая популярная версия связывала «храм Дианы» с окрестностями современного Георгиевского монастыря на мысе Фиолент, местом диким и живописным. Его любили рисовать художники [Бертье-Делагард, с. 35, 48–51, 76, 77]. Монахи показывали путешественникам какую-то колонну, неизвестно откуда

взятую, которую принимали за остаток языческого храма [Паллас, с. 53; Clarke, p. 216]. Британец Эдвард-Даньел Кларк, осмотревший эти места в 1800 г., счел, что наличие монастыря указывает на то, что прежде здесь существовал языческий храм: «Ранние христиане, разрушив языческие постройки, почти всегда возводили новые здания, посвященные их собственной религии, на том же месте, и часто из материалов старых» [Clarke, p. 216]. Через много лет эту мысль повторил автор путеводителя по монастырю Федор Ливанов [Ливанов, с. 5]. В результате основание Георгиевского монастыря без всяких на то причин стали относить к глубокой древности [Бертъе-Делагард, с. 4–38]. Эта местность стала одной из важнейших крымских достопримечательностей. В общественном сознании утвердилась мысль о ее «сакральности» и о связи христианского монастыря и языческой святыни.

О влиянии, которое память о языческих жертвоприношениях на крымских берегах оказывала на воображение приезжих, свидетельствует следующий эпизод, напрямую не связанный с «храмом Дианы», но явно навеянный воспоминаниями о нем. В 1799 г. русский путешественник Владимир Измайлов осмотрел средневековую крепость Инкерман, рядом с которой в склонах горы высечены многочисленные искусственные пещеры — остатки древних монастырей. «Приблизимся к церкви. <...> Алтарь, на котором лилась кровь невинных жертв суеверием приносимых, существует в целости. Над ним возвышается каменный крест...» [Измайлов, с. 15]. По всей видимости, путешественник решил, что в христианском храме совершали кровавые жертвоприношения. Иначе говоря, «крымская глушь» могла повлиять даже на обряды христиан.

«Ступни апостола Андрея»

В центре города Керчь находится церковь Иоанна Предтечи, выделяющаяся характерной византийской архитектурой. Ее строительство современные археологи относят к IX–X вв. [Макарова]. Однако легенда значительно «удревнила» храм и создала ему «виртуальную историю». В конце XVIII — XIX в. некоторые посетители видели внутри церкви, а другие снаружи ее постамент античной статуи с креплением для ног, вероятно, найденный поблизости, быть может, на античном городище Пантикапей [см. рисунок: Лазарь, Шорохова, с. 310]. Его могли установить в храме греки — выходцы из Средиземноморья, переселившиеся в Керчь в 1774 г. Согласно распространенному на их родине поверью, встроенные в кладку древние каменные детали оберегали постройки от разрушений [Таки, с. 231]. Таких камней — целых и фрагментированных античных надгробий, колонн, статуй и постаментов, вмонтированных в кладку керченского храма или расставленных в его дворе, — было довольно много [Федосеев, Пономарев, с. 125–131]. Побывавшие в Керчи в 1799 г. путешественники зафиксировали местное предание, согласно которому «следы в камне» были оставлены неизвестным по имени «праведным мужем» или «святым» [Измайлов, с. 109; Сумароков, с. 71]. Легенда постепенно обростала

подробностями: в 1825 г. Павел Свинын записал «предание, что церковь сия воздвигнута одним из св. апостолов» [Керчь, древняя Пантикапея, с. 11, 12]. В 1844 г. глава Херсонской и Таврической епархии осторожно отметил, что о камне с отпечатком стопы «ходят в народе разные легенды» [Гавриил, с. 324], — по-видимому, церковь еще не определилась, считать ли их достоверными. Что это за легенды, говорит очерк истории Керчи конца XIX в.: чудесные отпечатки приписывали либо патрону церкви — Иоанну Крестителю, либо апостолу Андрею Первозванному [Зенкевич, с. 148, 149].

Окончательный вид преданию, вероятно, придал какой-то образованный человек (настоятель церкви?), знакомый с двумя средневековыми литературными памятниками. О пребывании апостола Андрея в Воспоре (Боспоре, т. е. Керчи) и совершенных им там чудесах говорится в византийском житии, которое составил Епифаний Монах в первой половине IX в. [Греческие предания..., с. 42, 311, 312]. Впрочем, автор XIX в. мог читать его славянскую версию [Васильевский, с. 275, 276]. В памятнике русской исторической мысли середины XVI в. — «Степенной книге» — сказано, что апостол Андрей был на крымских берегах, «близ града Херсоня» (Херсонеса), где молился и благословил море. В это время и произошло чудо: на месте, где стоял святой, отпечатались его ступни: «На камени же томъ въглублено въобразишяся нози святаго Андрея, яко на воску, иже и до нын видимо есть...» [Степенная книга..., с. 242]. В конце XVIII в. остатки древнего Херсонеса искали в самых разных местах в Крыму и за его пределами, в том числе в Керчи [Храпунов, 2020, с. 243–245]. Волшебные отпечатки — популярный сюжет христианской мифологии. Например, «следы ног Христа» показывают в церквях Вознесения на Елеонской горе в Иерусалиме и Санта-Мария-ин-Пальмис в Риме. Очевидно, подобным сюжетом вдохновлялись авторы «Степенной книги». Ну а неизвестный по имени автор российской эпохи соединил сведения «Степенной книги» и жития, создав легенду керченской церкви. Кроме того, отпечатки ног стали связывать не только с апостолом Андреем, но и с патроном церкви — Иоанном Предтечей. Интересно, что, по свидетельству одного средневекового источника, изначально церковь была освящена в честь другого святого, Георгия [Пономарёв, Бейлин, Бейлина, с. 130].

Керченский камень с «отпечатками ног святого» исчез в годы советской власти — зато несколько лет назад отпечаток стопы апостола Андрея «отыскали» в противоположном углу Крыма, на берегу Херсонесского городища. Здесь в материковой скале можно увидеть выщерблину, напоминающую след одной ноги: результаты выветривания не соответствуют сведениям «Степенной книги». Тем не менее, религиозные люди считают этот объект реальным свидетельством деятельности апостола.

Мавзолей на Чуфут-Кале

В центре средневекового городища Чуфут-Кале, которое находится на окраине современного г. Бахчисарай, расположен мусульманский мавзолей (дюрбе),

где, согласно надгробной надписи, похоронили Джанике ханым, дочь золотоордынского хана Тохтамыша, умершую в 841 г. хиджры = 1437 г. н. э. [Герцен, Могаричев, с. 165–173]. К началу российского периода местные жители забыли о том, кто именно был погребен в мавзолее, а надгробную надпись прочесть, как видно, не могли. Потому возникли легенды, которые зафиксировали путешественники. По словам Ромма, памятник был построен «над прахом Айдар-хана» [Romme, p. 130]. Об этом ему, очевидно, рассказал проводник. Много лет спустя, в 1829 г., офицеру-шотландцу Джеймсу-Эдварду Александру показали здесь «гробницу одного татарского князя» [Alexander, p. 258]. В 1843 г. польский путешественник Эдмунд Хоецкий, любивший давать волю фантазии, рассказал романтическую историю о любви Саилы, дочери золотоордынского хана Тохтамыша, и крымского хана Абдул-Хасана, развивавшуюся на фоне политических интриг. Все закончилось гибелью героев во время сражения с врагами. «Белокаменной гробницей героини» Хоецкий назвал одну из искусственных пещер Чуфут-Кале, а вместо мавзолея упомянул «надгробие» некоего хана [Хоецкий, с. 184–193]. Кажется, поляк или не видел Чуфут-Кале, или подзабыл увиденное. В любом случае, известия своих информаторов он основательно приукрасил. В 1845 г. писательница Олимпиада Шишкина осмотрела «красивый памятник дочери Ханской, бывшей, как рассказывают, жертвою любви ея к Христианину». Возможно, об этом ей рассказал Соломон Бейм, караимский раввин, с которым она познакомилась в Чуфут-Кале [Заметки и воспоминания..., с. 119]. Романтизм был важным свойством путевых записок, потому неудивительна готовность путешественников верить подобным рассказам местных жителей или раскрашивать их новыми деталями. То, что различные легенды, связанные с мавзолеем татарской принцессы, фиксируются на протяжении как минимум 60 лет, свидетельствует об их укорененности. По-видимому, конец им положило распространение научных знаний о мавзолее и его надписи.

Легенда о Марии Потоцкой

В 1824 г. вышел из печати «Бахчисарайский фонтан» Пушкина, а в 1826 г. — «Крымские сонеты» Мицкевича. В этих литературных шедеврах использована легенда об узнице ханского гарема, которую русский поэт назвал Марией, а поляк — Потоцкой. Пушкин сделал символом истории фонтан, а Мицкевич — мавзолеем в ханском дворце в Бахчисарае. К тому времени легенда о христианке, ставшей любимой женой одного из ханов, была широко известна в городе и попала в записки путешественников [Бронштейн]. Немудрено, что о ней узнали побывавшие в Крыму классики русской и польской литературы. Легенда утверждала, что мужем Марии Потоцкой был знаменитый хан Крым-Гирей (правил в 1758–1764 и 1768–1769 гг.). Используя свое положение чиновника администрации Бессарабской области, Пушкин направил письменный запрос смотрителю ханского дворца, уточняя, правдива ли эта легенда, и получил неутешительный ответ: «[Я] расспрашивал стариков, имеющих теперь до ста лет, живших тогда

при разных ханах у дворца, но и они ничего не знают, они мне сказали, что при тогдашнем правлении никто не смел о ханских женах ни любопытствовать, ни говорить, опасаясь за то наказания...» [Балакин, Бодрова, с. 12]. Тем не менее, романтическая история христианки — возлюбленной хана показалась поэту важнее: «Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических» [Пушкин, 1962, с. 281]. Именно благодаря Пушкину в легенду добавлен фонтан, а о мавзолее он позабыл или не счел нужным упомянуть.

Легенда эта возникла вокруг входившего в комплекс ханского дворца, но стоящего отдельно от мавзолея, где, согласно надписи, похоронили некую Диляру, умершую в 1764 г. [Ибрагимова, с. 175, 176, 330, № 6; ср.: Балакин, Бодрова, с. 12]. Однако не умевшие читать по-арабски европейцы, очарованные «романтикой Востока», давали волю фантазии. Вероятно, первой стала англичанка Элизабет Крейвен, которая, рассказывая о путешествии в Крым в 1786 г., писала: «мне поведали, что этот памятник построен в память о жене-христианке, которую хан любил так нежно, что остался безутешен после ее смерти. И что он похоронил ее в том месте, чтобы сам смог довольствоваться видом на постройку, где покоятся ее останки. Полагаю, этот татарский хан должен был иметь душу, достойную любви христианки» [Craven, p. 180]. Информатором ее был кто-то из русских офицеров или чиновников. Само положение мавзолея, принадлежавшего даме (что совсем не типично для ханского кладбища) и находившегося в отдалении от других гробниц, заставило предположить, что здесь похоронили христианку, занимавшую особое положение в силу привязанности к ней хана. Возможно, жители Бахчисарая помнили о том, что пленницей хана Фетих-Гирея (правил в 1596 г.) была неизвестная по имени знатная полячка [Смирнов, 2015, т. 1, с. 365–367], хотя хронологически этот сюжет не совпадает с датой на мавзолее. Следует отметить, что Крым-Гирей, в правление которого был сооружен мавзолей Диляры, по свидетельствам современников, предпочитал мальчиков [Смирнов, 2015, т. 2, с. 100, 101].

Европейские путешественники «подарили» загадочной даме фамилию Потоцкая, принадлежавшую знатному польскому роду, представители которого играли важную роль в жизни государства в XVIII в. Так, Игнаций Потоцкий, лидер антироссийской Барской конфедерации, приезжал к Крым-Гирею [La correspondance consulaire..., p. 33, n. 119; p. 102, 234, 251; ср.: Смирнов, 2015, т. 2, с. 101]. Возможно, впервые мавзолей назван «гробницей графини Потоцкой» на рисунке англичанина Роберта-Уильяма Хейя 1807 г. [Khrapunov, p. 240, fig. 5]. По словам смотрителя дворца в письме к Пушкину, посетившая Бахчисарай «Графиня Соф. Потоцкая <...> говорила, что точно из их фамилии была у хана жена...» [Балакин, Бодрова, с. 11]. Таким образом, есть основания предполагать, что свой вклад в формирование легенды внесли представители польского рода — графиня София Константиновна Потоцкая (урожденная Клавоне), авантюристка, шпионка и куртизанка [Кошелев, с. 27], или ее дочь София Станиславовна (в замужестве Киселева) [Балакин, Бодрова, с. 15, 16]. Потоцким принадлежало поместье в Массандре на южном берегу [Краснолуцкий, с. 675].

Во время одной из крымских поездок они посетили Бахчисарай, укрепив легенду об узнице гарема авторитетом «потомков» Марии.

В середине — второй половине XIX в., во многом благодаря пушкинской поэме, легенда о Марии Потоцкой стала очень популярной в Бахчисарае. С ней связывали самые разные помещения ханского дворца, которые объявляли «церковью», «покоями» и даже «темницей» прекрасной пленницы. Среди тех, кто рассказывал легенду новым поколениям путешественников, были крымские татары, воспринявшие выдуманный туристами-христианами миф как часть собственной истории [Бронштейн, с. 479–481].

Выводы

Проанализированные примеры показывают, что (пере)осмысление памятников культурного наследия стало важным феноменом жизни Крыма после присоединения к России. Этому способствовал интерес образованной части общества к прошлому, наталкивавшийся на нехватку научных знаний и ограниченность исторической памяти местного населения при наличии огромного количества археологических объектов разных эпох и культур на относительно небольшой территории полуострова. Легенды, возникшие вокруг самых разных памятников — античных, византийских и мусульманских — демонстрируют особенности мышления людей конца XVIII — XIX в. Малообразованные крестьяне пытались объяснять непонятное в рамках житейской логики. Например, если высеченные в скале постройки находились на вершинах гор, то, значит, некогда уровень моря было гораздо выше. Народные предания крымских татар могли смешиваться с представлениями европейцев о природных и исторических феноменах («следы всемирного потопа»). Образованные путешественники пытались связать крымские памятники с отрывками из исторических хроник или христианской традицией. «Обнаруженные» в письменных источниках сведения они накладывали на наблюдаемые реалии, редко прибегая к критике источников. Последнее не удивительно, ведь и история как наука в современном смысле, и археология в то время проходили стадию становления. Свой отпечаток накладывала эпоха романтизма: потому путешественники интерпретировали мусульманские мавзолеи (в Бахчисарае и Чуфут-Кале) как связанные с любовными историями, очевидно, опираясь на усвоенные с детства представления о восточной романтике. Иногда памятники «изобретались» под влиянием популярных классических сюжетов («храм Дианы»). Показательно, что эти сюжеты зачастую были известны не из оригинальных источников, но из модных театральных или поэтических переложений Нового времени. Желание увидеть на крымских берегах следы античной истории приводило к тому, что их «отыскивали» даже в отсутствие материальных остатков. При этом могло соединяться несоединимое, и возникали представления о связи между языческим храмом и христианским монастырем. Оказавшиеся в чужой стране православные переселенцы, военнослужащие или священнослужители искали моральной опоры в памятниках,

которые могли считаться христианскими святынями. Отсюда и переосмысление постаamenta античной статуи как «следов апостола Андрея» и связанное с этим удревление истории керченской церкви без малого на тысячелетие.

Записки путешественников внедряли в общественное сознание легенды о крымских памятниках, обеспечивая им длительное существование и способствуя тому, что эти объекты превращались в достопримечательности, тем самым помогая превращать Крым в центр туризма. Возникновение легенд вокруг объектов культурного наследия и даже виртуальных памятников истории Крыма, вероятно, следует рассматривать в рамках широкого процесса поэтизации, романтизации и придумывания истории, который в то время разворачивался по всей Европе. В случае Крыма можно говорить о разнонаправленном интеллектуальном взаимодействии специфических общественных групп: местного старожильческого населения, переселенцев и путешественников, представлявших разные страны и культуры. Крымско-татарские предания обретали новую жизнь в травелогах, где их соединяли с достижениями европейской науки, а выдумки путешественников или переселенцев-христиан усваивались представителями мусульманской общины.

Если сюжеты о «храме Дианы» и «Марии Потоцкой» анализировались историографией, то мифы о «следах всемирного потопа», «ступне апостола Андрея» и мавзолее Чуфут-Кале исследованы в меньшей степени. Перспективным является дальнейшее изучение темы, в частности, таких сюжетов, как «гробница царя Митридата» в окрестностях Керчи, представление о связи между «пещерными монастырями» и Киево-Печерской лаврой, легенды мечети Ешиль-Джами в Бахчисарае и Топловского монастыря св. Параскевы, интерпретация соборных мечетей в Евпатории и Феодосии как «перестроенных христианских храмов».

Источники

- Балакин А. Ю., Бодрова А. С.* «Полицейское послание яко материал» (к творческой истории «Бахчисарайского фонтана») // Временник Пушкинской комиссии. 2013. Вып. 31. С. 5–16.
- Васильевский В. Г.* Труды. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1909. Т. 2. Вып. 1.
- Гавриил, архиеп.* Остатки христианских древностей в Крыму. Уезд Феодосийский // Записки Одесского общества истории и древностей. 1844. Т. 1. С. 320–328.
- Греческие предания о св. апостоле Андрее. Т. 1 : Жития / подгот. А. Ю. Виноградов. СПб. : Изд. С.-Петерб. ун-та, 2005.
- Диодор Сицилийский.* Историческая библиотека. Греческая мифология / пер. с др.-греч. О. П. Цыбенко. М. : Лабиринт, 2000.
- Еврипид.* Трагедии в двух томах. Т. 1 / пер. с др.-греч. И. Анненский. М. : Ладомир : Наука, 1999.
- Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году. Ч. 2. СПб. : Тип. Второго Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1848.
- Зенкевич Хр. Хр.* Керчь в прошедшем и настоящем. Историко-археологический и географический очерк. Керчь : Скоропечатная типо-лит. Х. Н. Лаго и К°, 1894.
- Измайлов В.* Путешествие в Полуденную Россию. Новое издание. Ч. 3. М. : Тип. Христоф. Клаудия, 1805.
- Караулов Г.* Крымские пещерные города и крипты // Записки Одесского общества истории и древностей. 1872. Т. 8. С. 39–108.

- Керчь, древняя Пантикапея (из живописного путешествия по России издателя «Отечественных записок») // Отечественные записки. 1828. Т. 34, № 96 (апрель). С. 3–31.
- Лазарь (митроп.), Шорохова Т. С.* Священный образ Тавриды: православные святыни Крыма в изобразительном искусстве. Симферополь : Н. Орианда, 2012.
- Ливанов Ф. В.* «Георгиевский монастырь» в Крыму (что близ Севастополя и Балаклавы). Историческое описание. Составлено и издано для путешественников. М. : Тип. «Современ. изв.», 1874.
- Людольф де.* Письма о Крыме // Русское обозрение. 1892. Т. 2 (март). С. 155–201.
- Марков Е. Л.* Очерки Крыма. Киев : Стило, 2006.
- Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. А. Л. Бертье-Делагард, С. Л. Белявская. М. : Наука, 1999.
- Переписка российской императрицы Екатерины Второй с г. Вольтером / пер. с фр. М. Антоновский. Ч. 2. СПб. : Имп. акад. наук, 1802.
- Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб. : Тип. при особенной канцелярии Министерства внутренних дел, 1823.
- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 2. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950; Т. 7. М. : Гос. изд-во худож. литературы, 1962.
- Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам / ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. Т. 1. М. : Языки славянских культур, 2007.
- Сумароков П.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. М. : Университетская тип., 1800.
- Фадеева Т. М.* Сакральные древности Крыма. Мифы, легенды, символы, имена и их отражение в искусстве. М. : Прогресс-традиция, 2017.
- Хоецкий Е.* Спогади з подорожі по Криму / пер. з пол. О. О. Тищенко-Монастирська. Симферополь : СГТ, 2008.
- Храпунов Н. И.* Крымское путешествие Виктора де Карамана // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2021б. Вып. XXVI. С. 498–527.
- Храпунов Н. И., Гинькут Н. В.* Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2015. Вып. 20. С. 395–430.
- Alexander J. E.* Travels to the Seat of War in the East, through Russia and the Crimea, in 1829. Vol. 1. London : Henry Colburn and Richard Bentley, 1830.
- Campenhause B. von.* Bemerkungen über Rußland. Leipzig : Friedrich Christian Dürr, 1807.
- Clarke E. D.* Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1 : Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London : T. Cadell and W. Davies, 1816.
- Craven E.* A Journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters. London : G. G. J. and J. Robinson, 1789.
- Evlîyâ Efendi.* Narrative of Travels in Europe, Asia, and Africa, in the Seventeenth Century / trans. from Turkish J. von Hammer. London : Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland, 1846.
- Guthrie M.* A Tour, Performed in the Years 1795–6, through the Taurida, or Crimea. London : T. Cadell, Jun. and W. Davies, 1802.
- Henderson E.* Biblical Researches and Travels in Russia, Including a Tour in the Crimea, and the Passage of the Caucasus. London : James Nisbet, 1836.
- La correspondance consulaire de Crimée du baron de Tott (1767–1770) / éd. F. Tóth. Istanbul : Isis, 2014.
- Ligne prince de.* Lettres a la marquise de Coigny / éd. H. Lebasteur. Paris : Librairie ancienne Honoré Champion, 1914.
- Mémoires du baron de Tott, sur les Turcs et les Tartares. Pt. 1–2. Amsterdam : [sans éd.], 1785.
- Romme Ch.-G.* Voyage en Crimée en 1786 / éd. M. Deschanet, G. Bekirova. Paris : L'Harmattan, 2016.

Исследования

Балакин А. Ю. А. С. Пушкин и книга И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» // Русская литература. 2017. № 2. С. 19–30.

Бертъе-Делагард А. Л. К истории христианства в Крыму // Записки Одесского общества истории и древностей. 1910. Т. 28. С. 1–108.

Бронштейн А. И. Трансформация легенды Фонтана слез // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 1997. Вып. 1. С. 475–486.

Герцен А. Г. Дорос — Феодоро (Мангун): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // Античная древность и средние века. 2003. Т. 34. С. 94–112.

Герцен А. Г., Мозгаричев Ю. М. Кырк-Ер — Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата. Исследование. Путеводитель. Альбом. Симферополь : Антиква, 2016.

Ена В. Г., Ена Ал. В., Ена Ан. В. Открыватели земли крымской. Симферополь : Бизнес-Информ, 2007.

Ибрагимова А. М. Бахчисарайский ханский дворец XVI–XVIII вв. Киев : Олег Філюк, 2015.

Иванчик А. И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М. ; Берлин : Палеограф, 2005.

Кошелев В. А. Таврическая мифология Пушкина. Литературно-исторические очерки. Великий Новгород ; Симферополь ; Нижний Новгород : Растр, 2015.

Краснолуцкий А. Ю. Южный берег Крыма. История имений и дач с 1783 по 1820 год. СПб. : Крига, 2020.

Макарова Т. И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1998. Вып. 6. С. 344–393.

Пономарёв Л. Ю., Бейлин Д. В., Бейлина С. А. Церковь Иоанна Предтечи в Керчи (в источниках и историографии XIV–XX вв.) // Sacrum et Profanum. 2009. Вып. IV. С. 129–142.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты : в 2 т. М. : Рубежи-XXI, 2015.

Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М. : Новое литературное обозрение, 2017.

Федосеев Н. Ф., Пономарев Л. Ю. Античные древности церкви Иоанна Предтечи в Керчи (историографический обзор) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2016. Т. 2, № 2. С. 124–136.

Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М. : Наука, 1986.

Храпунов Н. И. «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»: образы Тавриды в сочинениях путешественников // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Севастополь : Альбатрос, 2017. С. 329–352.

Храпунов Н. И. Крымские древности глазами западноевропейских путешественников конца XVIII — начала XIX вв. // Российская империя и Крым / под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова. Симферополь : Изд. дом КФУ, 2020. С. 241–258.

Храпунов Н. И. Изучение Крыма как пример научного сотрудничества ученых путешественников на рубеже XVIII–XIX вв. // Российская наука в европейском контексте во второй половине XVIII — первой половине XIX века / сост. Н. М. Сперанская. СПб. : РНБ, 2021а. С. 125–145.

Эко У. История иллюзий. Легендарные места, земли и страны / пер. с ит. А. А. Сабашников. М. : Слово, 2014.

Cross A. G. From the Assassination of Paul I to Tilsit: The British in Russia and Their Travel Writings (1801–1807) // Journal of European Studies. 2012. Vol. 42/1. P. 5–21.

Khrapunov N. Crimean Antiquities as Viewed by Foreigners in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries // Światowit Supplement Series C: Pontica et Caucasia, vol. II: Interdisciplinary Research on the Antiquity of the Black Sea. Warszawa : Wydaw. Univ. Warszawskiego, 2021. P. 234–249.

Merton R. K. The Thomas Theorem and the Matthew Effect // *Social Forces*. 1995. Vol. 74, No. 2. P. 379–424.

The Cambridge Companion to Travel Writing / ed. P. Hulme, T. Youngs. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002.

The Invention of Tradition / ed. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1983.

The Routledge Companion to Travel Writing / ed. C. Thompson. London ; New York : Routledge, 2016.

The Routledge Research Companion to Travel Writing / ed. A. Pettinger, T. Youngs. London ; New York : Routledge, 2020.

References

Balakin, A. Yu. (2017). A. S. Pushkin i kniga I. M. Murav'eva-Apostola "Puteshestvie po Tavride v 1820 gode" [Pushkin and *Journey through Tauris in 1820* by I. M. Muravyov-Apostol]. *Russkaia literatura*, 2, 19–30.

Bertié-Delagar, A. L. (1910). K istorii khristianstva v Krymu [On the History of Christianity in the Crimea]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 28, 1–108.

Bronstein, A. I. (1997). Transformatsiia legendy Fontana slez [Transformation of the Legend of the Fountain of Tears]. *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, 1, 475–486.

Cross, A. G. (2012). From the Assassination of Paul I to Tilsit: The British in Russia and Their Travel Writings (1801–1807). *Journal of European Studies*, 42(1), 5–21.

Eco, U. (2014). *Istoriia illiuzii* [History, a Theatre of Illusions]. Moscow: Slovo.

Ena, V. G., Ena, A. V., & Ena, A. V. (2007). *Otkryvateli zemli krymskoi* [Discoverers of the Crimean Land]. Simferopol: Biznes-Inform.

Fedoseev, N. F., & Ponomarev, L. Yu. (2016). Antichnye drevnosti tserkvi Ioanna Predtechi v Kerchi [Antiquities of St. John the Baptist's Church in Kerch]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki*, 2(2), 124–136.

Formozov, A. A. (1986). *Stranitsy istorii russkoi arkheologii* [Pages in the History of Russian Archaeology]. Moscow: Nauka.

Herzen, A. G. (2003). Doros – Feodoro (Mangup): ot rannevizantiiskoi kreposti k feodal'nomu gorodu [Doros – Theodoro (Mangup): From Early Byzantine Fort to Feudal Town]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 34, 94–112.

Herzen, A. G., & Mogarichev, Yu. M. (2016). *Kyrk-Er – Chufut-Kale* [Kyrk-Er – Chufut-Kale]. Simferopol: Antikva.

Hobsbawm, E., & Ranger, T. (Eds.). (1983). *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hulme, P., & Youngs, T. (Eds.). (2002). *The Cambridge Companion to Travel Writing*. Cambridge: Cambridge University Press.

Ibragimova, A. M. (2015). *Bakhchisaraiskii khanskii dvorets XVI–XVIII vv.* [Bakhchisarai Khan's Palace, Sixteenth to Eighteenth Centuries]. Kiev: Oleg Filiuk.

Ivanchik, A. I. (2005). *Nakanune kolonizatsii* [On the Eve of Colonisation]. Moscow; Berlin: Paleograf.

Khrapunov, N. I. (2017). Mesto, bogatoe vospominaniiami i illiuziiami [Place Rich in Recollections and Illusions]. In N. I. Khrapunov, & D. V. Konkin (Eds.), *Problemy integratsii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825* [Problems of Integration of Crimea into Russia, 1783–1825] (pp. 329–352). Sevastopol: Albatros.

Khrapunov, N. I. (2020). *Krymskie drevnosti glazami zapadnoevropeiskikh puteshestvennikov kontsa XVIII – nachala XIX v.* [Crimean Antiquities as Viewed by Late Eighteenth and Early Nineteenth Century Western European Travellers]. In D. V. Konkin, & N. I. Khrapunov (Eds.), *Rossiiskaia imperiia i Krym* [Russian Empire and Crimea] (pp. 241–258). Simferopol: Izdatel'skii dom KFU.

Khrapunov, N. (2021a). Crimean Antiquities as Viewed by Foreigners in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. In M. Matera & R. Karasiewicz-Szczypiorski (Eds.), *Światowit Supplement Series C: Pontica et Caucasica, vol. II: Interdisciplinary Research on the Antiquity of the Black Sea* (pp. 234–249). Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.

Khrapunov, N. I. (2021b). Izuchenie Kryma kak primer nauchnogo sotrudnichestva uchenykh puteshestvennikov na rubezhe XVIII–XIX vv. [Researching the Crimea as the Case of Scholarly Cooperation of Learned Travellers ca. 1800]. In N. M. Speranskaya (Ed.), *Rossiiskaia nauka v evropeiskom kontekste vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Russian Science in the European Context in the Second Half of the 18th – First Half of the 19th Centuries] (pp. 125–145). St Petersburg: RNB.

Koshelev, V. A. (2015). *Tavrisheskaia mifologiiia Pushkina* [Pushkin's Tauric Mythology]. Veliky Novgorod: Rastr.

Krasnolutsky, A. Yu. (2020). *Iuzhnyi bereg Kryma* [Southern Coast of the Crimea]. St Petersburg: Kriga.

Makarova, T. I. (1998). Arkheologicheskie raskopki v Kerchi okolo tserkvi Ioanna Predtechi [Archaeological Excavations in Kerch near St. John the Baptist's Church]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 6, 344–393.

Merton, R. K. (1995). The Thomas Theorem and the Matthew Effect. *Social Forces*, 74(2), 379–424.

Pettinger, A., & Youngs, T. (Eds.). (2020). *The Routledge Research Companion to Travel Writing*. London; New York: Routledge.

Ponomarev, L. Iu., Beilin, D. V., & Beilina, S. A. (2009). Tserkov' Ioanna Predtechi v Kerchi [St. John the Baptist's Church in Kerch]. *Sacrum et Profanum*, 4, 129–142.

Smirnov, V. D. (2015). *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoj Porty* [Crimean Khanate under the Ottoman Porte] (Vols. 1–2). Moscow: Rubezhi-XXI.

Taki, V. (2017). *Tsar' i sultan* [Tsar and Sultan]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Thompson, C. (Ed.). (2016). *The Routledge Companion to Travel Writing*. London; New York: Routledge.

Храпунов Никита Игоревич

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского центра
истории и археологии Крыма
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
295004, Республика Крым, Симферополь,
пр. Академика Вернадского, 4
E-mail: khrapunovn@gmail.com

Khrapunov, Nikita Igorevich

PhD (History), Leading Researcher
History and Archaeology of the Crimea
Research Centre
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
4, Vernadsky Ave., 295007 Simferopol,
Republic of the Crimea, Russia
Email: khrapunovn@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6141-9487>
WoS ResearcherID: Q-8101-2017
Scopus AuthorID: 57201662517